

— Неужели обязательно идти? — Е Тао не делал вид, он действительно не хотел идти с Чжоу Цзыцянем к Ло Дуну. В присутствии Цзыцяня он с Ло Дуном всё равно не найдёт тем для разговора, так что такая встреча не имела бы особого смысла. К тому же с самого утра он чувствовал беспокойство и нехватку воздуха, возможно, из-за пасмурной погоды.

— Не то чтобы обязательно, — Цзыцянь не стал настаивать категорическим приказом, а терпеливо объяснял, — но когда ты лежал в больнице, Ло Дун уже присылал людей. А теперь он пришел к нам домой, чтобы навестить тебя. Если ты даже не покажешься, это будет крайне невежливо.

Даже настоящий Чжоу Юньси не был настолько упрям, чтобы не прислушиваться к разумным доводам. После таких слов Е Тао не мог отказаться, иначе выглядел бы крайне невоспитанным.

Ло Дун не ждал долго. Как только дядюшка Чжоу долил чай в третий раз, Цзыцянь и Е Тао вошли в южный зал.

Двое мужчин, оба обладавшие искусством общения, обменивались любезностями без излишней формальности. Е Тао, обычно молчаливый и сдержанный, играл роль живого украшения, лишь изредка произнося слова, когда Цзыцянь просил его поздороваться.

Ло Дун пришел и как гость, и как человек, навещающий больного, поэтому естественно спросил, как себя чувствует Е Тао, только что оправившийся от болезни. Тот отвечал на вопросы, но без лишних слов. Оба вели себя настолько естественно, что их отчужденность казалась вполне уместной. Любой, кто видел их, подумал бы, что именно так и должно выглядеть общение младшего сына семьи Чжоу и господина Ло.

Чтобы не мешать их разговору, дядюшка Чжоу, долив чай, вышел, и в комнате остались только хозяин, гость и молчаливый Е Тао.

Ло Дун не забыл о лжи, которую придумал, чтобы скрыть ценность двух корней женьшеня, и за чаем заговорил о второй просьбе, с которой он хотел обратиться к Цзыцяню. Слушая его убедительные объяснения, Цзыцянь вынужден был делать вид, что все это правда. Они обменивались репликами, превращая вымысел в нечто, казавшееся реальным.

Когда они допили чай, Ло Дун уже завершил свою ложь. Цзыцянь приказал подать обед, и как только блюда были расставлены на столе, дядюшка Чжоу с подчиненными удалились. Трое в комнате заняли свои места за столом, уставленным изысканными яствами.

Цзыцянь и Ло Дун поднимали бокалы, а Е Тао, сидя рядом, выбирал себе мягкие вегетарианские блюда. Его желудок был слаб, поэтому он ел медленно и тщательно пережевывал пищу. Его спокойная и тихая манера еды напоминала кошку. Кто-то мог бы счесть это изнеженностью, кто-то — забавным, но только Ло Дун знал, какими были привычки и предпочтения Е Тао в прошлом.

Когда вино начало согревать их, Цзыцянь нечаянно опрокинул чашу с супом. Суп был уже тёплым, обжечься было нельзя, но на брюках осталось мокрое пятно, которое не удавалось вытереть до конца.

— Уже хватит? — подшутил Ло Дун.

— Нет, — Цзыцянь, с покрасневшим от вина лицом, отложил салфетку и встал с улыбкой. — Я переоденусь и вернусь, чтобы продолжить.

Цзыцянь обошел ширму, и его шаги постепенно затихли.

Ранее улыбающийся Ло Дун теперь смотрел на Е Тао с нахмуренным лицом и через мгновение вздохнул:

— Побереги себя, ты совсем исхудал.

Е Тао, только что оправившийся от болезни, выглядел бледным. Его и без того худощавое тело теперь казалось почти истощенным, а на его юном лице, еще не полностью потерявшем детскую округлость, уже проступили скулы.

— Через несколько дней все придет в норму, — Е Тао отложил палочки, его тонкая спина оперлась на спинку стула. Хотя на его лице не было явных эмоций, он казался гораздо более расслабленным. — Слушая твою ложь, я сам волновался. Не делай так больше, люди семьи Чжоу не так просты, а он особенно. Если будешь играть в игры у него под носом, рано или поздно все раскроется.

Е Тао был как тихий пруд. Даже говоря о своих тревогах и переживая множество трудностей, он оставался спокойным. Ло Дун знал, что он привык скрывать свои чувства за этой внешней невозмутимостью, успокаивая не только себя, но и окружающих. Те, кто заботился о нем, не знали, как ему помочь.

Ло Дун налил себе еще один бокал вина, но не стал его пить. Он смотрел на наполненный бокал и тихо вздохнул.

— А если он узнает? Ты не глуп, должен понимать, что тайное всегда становится явным. Ты можешь скрывать это какое-то время, но сможешь ли ты скрывать это всю жизнь? Даже если ты будешь достаточно осторожен, чтобы сохранить тайну, зачем это нужно? Ты не стремишься ни к славе, ни к богатству, ты более равнодушен, чем монахи, практикующие аскетизм. Даже если тебя выгонят из семьи Чжоу, для тебя это не будет большой потерей. Зачем тогда тратить силы на то, чтобы жить в этой тюрьме, где ты чувствуешь себя не в своей тарелке? — Возможно, из-за опьянения, возможно, из-за ностальгии по прошлому, а может, из-за беспокойства за друга, который снова оказался в опасности, Ло Дун высказал свои мысли вслух. — Скажи мне честно, что тебя здесь держит?

Их многолетняя дружба не была пустой. Пожалуй, в мире не было человека, который знал бы Е Тао лучше, чем Ло Дун. Он мог представить, как Е Тао был растерян, когда только вернулся к жизни, и понимал, что в тот момент выжидательная позиция была самым разумным выбором. Но прошло уже почти два года. Е Тао, будучи проницательным человеком, разве не понимал, что происходит? Он знал, что в этом доме нет простых людей, и что в мире нет тайн, которые нельзя раскрыть. Зачем тогда он так старательно скрывает правду и остается в этом доме, который ему ничего не дает и не принадлежит?

— Не стремиться к тому, что тебе не принадлежит, — это просто следование своим принципам. Истинная отрешенность — это спокойствие и отсутствие желаний. Я всего лишь обычный человек, как я могу достичь такого уровня? — Е Тао поглаживал буддийские четки на своем запястье, и в его спокойном голосе чувствовалась едва уловимая нотка сожаления. Увидев, что Ло Дун хочет что-то сказать, он опустил взгляд. — Не спрашивай. Я сам еще не разобрался, и даже если расскажу тебе, ты ничем не поможешь.

Опять! Каждый раз, когда случается что-то сложное, он ведет себя так. Хочешь помочь ему, а он даже не благодарит. Что за характер? Ло Дун посмотрел на него с раздражением и ехидно проворчал:

— Да, я дурак, а ты умник, у тебя всегда есть свои идеи. Кто может с тобой сравниться?

— Я знаю, что ты заботаешься обо мне и хочешь вытащить меня из этой трясины, но в этом деле ты действительно ничем не сможешь.

— Ты знаешь, что это трясины?

— Я просто так сказал, на самом деле не так уж плохо.

— Да, не плохо, просто требует некоторых усилий. Ты терпелив, тебе не страшно.

Е Тао с укором сказал:

— Можешь не издеваться?

— О, за это время ты еще и научился капризничать, — Ло Дун усмехнулся, но затем снова вздохнул. — Цзыцянь и так держит тебя в ежовых рукавицах, а после того, как тебя похитили, тебе будет еще труднее выходить из дома. В следующий раз мы увидимся только через сто лет.

— Не преувеличивай.

— Да что ты, я даже смягчаю. Судя по поведению Цзыцяня, он чуть ли не клетку для тебя не смастерил.

— Ты бы тоже волновался, если бы твоего племянника похитили.

— Ты не мой племянник, но я все равно волнуюсь. Ты знаешь, как я переживал, когда узнал, что тебя похитили? Я тогда думал, что если ты вернешься живым, я заберу тебя отсюда, подальше от этой заварухи, и мы не будем вмешиваться в их дела.

Едва Ло Дун закончил говорить, дверь, которая была приоткрыта, с грохотом распахнулась. В старом доме не было доводчика, и тяжелая деревянная дверь ударила о резную перегородку с такой силой, что вся рама задрожала.

Оба мужчины в комнате вздрогнули от неожиданного шума и обернулись. Чжоу Цзыцянь обошел ширму и вошел в комнату, его лицо было холодным и мрачным.

— Ло Дун, ты с ума сошел? Ты что, на него заришься? — Голос Цзыцяня был ледяным, а его пронзительный взгляд, казалось, хотел пронзить голову Ло Дуна, чтобы увидеть, что там внутри.

Даже невозмутимый Ло Дун был ошеломлен. Он широко раскрыл глаза. Он что, напился? Что за чушь он несет?!

Е Тао быстро схватил Цзыцяня за руку, а тот сжал кулак, словно готовый в любой момент ударить Ло Дуна.

Малыши, счастливого праздника! Ешьте, веселитесь, а о диете подумайте после праздников.